

Жертвоприношение и система

Резюме : Убеждение, что насилие является неотъемлемой частью религии пренебрегает фактом, что склонность к насилию лежит в самой человеческой природе. На этом основывается последовательность определенной модели жертвоприношения, которая совершается на протяжении всей истории, начиная с древнейших времен. Это модель отпущения грехов сообщества через «козла отпущения», которая стала частью иудео-христианской культуры. Хотя страдание Христа следовало ее окончить, данная модель продолжила свое существование и через институцию церкви (которая человеческое спасение иногда подчиняла политике и преследованиям) была перенята в проект создания современного государства. Переводя язык мифов и религии на язык и символы политики, секуляризация, однако, также подпадает искушению приспособлять свое первоначальное стремление к освобождению от старой системы насилия новому насилию системы. <Таким образом жертвоприношение остается служить моделью технологии общества.

Ключевые слова : жертвоприношение, религия, насилие, человеческая природа, система

***Фундаментализм**

Обсуждение вопроса - является ли насилие неотъемлемой частью религии - иногда сводится к дилемме о количестве, вследствие чего вопрос об исторической ответственности за человеческое страдание превращается в вопрос о том, какое из двух мировоззрений - религия или атеизм - повлекло большее количество жертв. Христиане подчеркивают, что несравненно большее количество смертей в истории было вызвано современными теистическими режимами. Атеисты утверждают, что наибольшее количество кровопролитий в истории совершено под флагом религии и число их жертв относительно небольшое только потому, что они произошли в древние времена, когда численность населения была значительно меньшей, а военная технология достаточно неразвитой. Следовательно, хотя численность уничтоженных поселений, сел и городов не превышает нескольких сотен или тысяч, основной ужас заключается в том, что во имя религии были полностью истреблены многочисленные и разнообразные культуры и этнические группы.

Ответ на вопрос, какие режимы в ходе истории оказались хуже – религиозные или атеистические - зависит от способа их классифицирования, но при этом критерии классификации кажутся проблематичными. Известно, что некоторые атеистические режимы обладали характеристиками теистических режимов, как, например, тоталитарная технократия сталинского режима со своей разработанной структурой инквизиции, которая когда-то встречалась у институции церкви. Структура власти, либо сакральных либо профанных режимов, имеет сходства, которые нельзя упускать из виду и нельзя ими пренебрегать. Религией воспользовались как средством для уничтожения людей, но то же самое происходило и в секулярной системе. Любая идеология может определенным людям послужить для уничтожения других людей. Все институции склонны к злоупотреблению.

Отстаивание любой из сторон, обсуждающих вопрос о том, мотивированы ли самые большие войны религией или же желанием уничтожить ее, показалось бы логической ошибкой абстракции против мышления, которое учитывает опыт и не является исключаящим. Постмодернизм это назвал

ошибкой логики *или/или*, логики непротиворечий. Придерживаясь чисто формальных условий, данная логика использует понятия, которые отвлекают от конкретного содержания. Логика непротиворечий жертвует, значит, жизненной правдой, которая обычно находится «где-то по середине». Другая проблема заключается в том, что правда кажется аудитории недостаточно интересной; волнующая увлекательность крайностей гораздо интереснее и аудиторией легче воспринимается. Лишь некоторые люди готовы рассматривать совокупное целое, ибо только в рамках целого истина не частичная, а проявляется во всем своем объеме. А истина заключается в том, что мир бывает двухсторонним, таким же, каким бывают и наше осознание и человеческая природа. Несмотря на то, какой сегмент общества нам рассматривать, всегда в нем найдутся люди и хорошие и плохие - это зависит от того, избирают ли они жить по ту или другую сторону линии, разделяющей добро и зло, которая пересекает сердце каждого человека.

Настаивание на том, что насилие является неотъемлемой частью религии представляет собой, на самом деле, отвлечение внимания от настоящей человеческой мотивации - проекта создания современного секулярного государства, а также насильственных наклонностей в самой человеческой природе (Armstrong 2014). Одно размышление о человеческой природе могло бы пойти по пути объяснения ее зависимости от принятых убеждений. Убеждения, на самом деле, помогают людям осознать и преодолеть окружение в котором живут. В этом главную роль играют общие общественные сказания (к которым относятся все тнзв «дискурсы», «наррации», «мифы», «идеологии»), которые кумулятивно создают общее понимание мира. Примером того может послужить «миф о насильственности религии», который является основной предпосылкой создания системы современного государства (там же). Однако, проблема с убеждениями заключается в том, что они могут представлять собой готовые ответы, которые получены прежде, чем вопросы к ним были заданы. Это стереотипы, которых люди придерживаются и которые у людей вызывают нетерпимость к отличающимся взглядам и враждебное противостояние. Таким образом возникают столкновения, в которых люди, желая доказать, что правы и желая превзойти других, поддаются под влияние «низких страстей»: горделивости, ненависти, зависти, жадности, мстительности... Говоря библейским языком, эти страсти являются причинами человеческого падения, но и в рамках атеистического мировоззрения эти страсти являются негативными аспектами человеческой природы, ее темная сторона, которая в нападениях на других возрастает, пока не начнет «сметать все на своем пути».

Трудно понять всякое убивание, даже то, которое совершается «ради спасения души». Однако, что стоит за таким утверждением, расчетливость или сумасшествие фанатизма (которым людей-убийц соблазняют их вожди и навязывают им во имя религии совершать ужасные действия), следует обсуждать в контексте каждого случая в отдельности. Способность человека к самопожертвованию, во имя чего-либо во что человек верит - тоже присущая человеку характеристика, но словом «религия» слишком часто обозначается то, что следовало бы называть по-другому; вместо слова «религия» следовало бы использовать, например, слово, обозначающее жадное стремление к могуществу. Сами исполнители не всегда осознают настоящие причины и мотивы, особенно в случаях, когда ими манипулируют и они бывают обмануты хитростью, которая, не выбирая средств чтобы добиться задуманной цели, вызывает злодейства, забирая территории, природные ресурсы, земли, ценности, могущество...

Мы живем в эпоху антропоцентризма, которая отличается влиянием человека на природу до такой степени, что природа становится опосредованной технологией, т.е. становится «следующей природой»¹. С одной стороны преодоление природы кажется успешным, но с другой стороны этот

¹ Выражение “next nature” (“следующая природа”) отражает значение, используемое антропоцентристами, как оно

успех легко может показаться неудачным. Вопреки развитию технологии, тем более, часто из-за нее, мы все еще живем с природными бедствиями, болезнями и людьми, убивающими других людей (другие народы, другие культуры и группы, других индивидов). Вполне понятно, что совсем не важно во имя какой идеологии такое творится, ибо в указанных случаях каждая идеология превращается в фундаментализм. Его отождествление с религиозным (чувством) не значит, что он имеет связи с религией, т.е. является религиозным. Сама борьба против «религиозного фундаментализма», которая ведется современными средствами², может стать фундаменталистской. В этом заключается большая проблема, ибо то, что одним кажется настоящим решением, для других является страшной опасностью. Таким образом проблема переходит на новый уровень. Системное решение проблемы фундаментализма, которое на современном этапе развития технологии все-таки оказывается возможным, снова поднимает центральный вопрос свободы выбора и сохранения человеческого достоинства.

***Модель жертвоприношения**

Распространенное убеждение, что насилие является неотъемлемой частью религии, обязательно требует рассмотрения проблемы современного мировоззрения. В доказательство этому обычно приводятся исторические примеры, на основании которых можно сделать вывод, что религия представляет собой иррациональную и воинственную силу, которую государство должно держать под контролем, если хочет сохранить общество. При этом пренебрегаются аргументы, которые подтверждают, что большинство событий, в которых обвиняется религия, происходили, на самом деле, под влиянием политики и религия является лишь средством политики, которая как такова, направлена на освоение власти и подтверждение силы. На самом деле, в период до протестантской реформации религия и политика были неотъемлемыми, и поэтому в многочисленных конфликтах невозможно отделить религиозные от политических мотивов (Armstrong 2014).

Религиозные традиции, со своей стороны, одинаково оправдывали и военные и мирные действия, а также изменялись под влиянием своих членов, оправдывающих насилие. Однако, основную причину войн нельзя искать в религии, а в человеческой природе и государстве. Природа государства требует подчинения определенной части населения, в целях проведения контроля за поддержанием правопорядка.. Современное государство, будучи секулярным, и религию рассматривает сквозь свою профанную призму, подрывая таким образом духовную роль Церкви и захватывая потом ее материальные ценности и культурную мощь (Bellis 2014). Лишь после установления господства модерности, более очевидной становится общая структура методов, которые приписываются религии, но на самом деле выполняют функции институции, государства, а также (и) церкви. Основная разница в том, что относительно государства данная система начинает выполняться в рамках секулярного; вместо религиозных теперь используются политические мифы (там же).

Исторические данные о структурном сходстве принципов правления, либо речь идет о старых

трактуются в интернете на сайте (<http://www.nextnature.net>). В ответ на вопрос, что такое «следующая природа», приводится девиз: “С нашими попытками культивировать природу человечество вызвало порождение следующей природы, которая является дикой и непредсказуемой, как всегда. Дикие системы, генетические сюрпризы, автономный механизм и удивительные черные цветы. Природа меняется вместе с нами.”

² Существуют противоположные мнения относительно разработки и использования прививки, которая должна служить борьбе «против религиозного фундаментализма» (<https://www.youtube.com/watch?v=-gfTqfVeLHw>; <https://www.youtube.com/watch?v=vPyWZ4dbVQc>), но можно задуматься над вопросом: является ли это уже делом выбора?

культурных традициях или о современной цивилизации, подтверждают аналогии митологических, религиозных и секулярных процессов. Основная новизна секулярной системы – это смена ценностей и верований: старую религиозную систему, которая, по крайней мере, основывалась на вере в духовность, сменяет новая секулярная «религия» - материальность. Только тогда, когда настоящий цикл закончится и полный процесс дойдет до точки перехода на новый уровень исторического пути (виртуальной спирали), станет возможным узнать результат сочетания всех мыслей, слов и дел, созданных в и вне технологии системы; только тогда раскроется секрет, перенимет ли будущая система ту же модель жертвоприношения, которая так долго использовалась как будто была необходимой для создания системы.

Модель жертвоприношения совершается ритуальным способом, даже в случаях, когда ритуал не совершается осознанно. Модель связывает жертвоприношение с появлением нового цикла, или новой системы. Антропологические аналогии данной модели существуют на личном, семейном, в более узком и более широком общественном планах. Кажется, что она функционирует в современных человеческих обществах так же, как, положим, существовала в циклах досовременных культур. Во всяком случае, этот принцип перенят и встроен в основы современных государств посредством иудео-христианства³. Предвещая «новое время», данная модель жертвоприношения встречается и в случаях, когда немасштабные и в историческом смысле непродолжительные циклы доходят до конца. Кажется, что она является отражением фрактальной структуры действительности, которая подтверждается появлением одной модели на различных уровнях; видно, что это происходит на уровнях абстрактного, математического, физического, субъядерного и биологического, затем социального и политического, вплоть до психического.

В психосоциальном плане модель жертвоприношения присутствует всегда при возникновении соперничества, вызывающего столкновение, которое грозит порядку системы, которая в свою очередь подтверждается демонстрацией силы – перед коллективом (чаще всего символически) избирается/отмечается «виновник». Примером данной модели является староветхая модель, согласно которой выбор козла отпущения выполняется путем жребия, и таким образом, на основании случайности, жертва становится невинной и священной/посвященной перенятию грехов сообщества. В эпоху секулярных государств данная модель проявляется в том, что «козлом отпущения», как правило, выбирают и отмечают какого-о бессильного индивида или изолированную группу, которая (может быть и нет) «вполне невинна» (но все-таки) несет вину и понесет наказание.

Модель жертвоприношения функционирует также в отношении институциональных и сверхинституциональных систем. Так, например, распространение «мифа о насильственности религии» представляет собой процесс создания «козла отпущения» из самой религии и одновременно служит легитимированию современного государства (Armstrong 2014; Cavanaugh 2009). Это пример цикла истории «длительной продолжительности». Гораздо более короткий цикл описан в рамках истории разрушения «коммунизма», которое представляет собой жертвоприношение старого, чтобы начать новое (во что бы то ни стало). В таком контексте, например, разрушение Югославии (и Сербии) можно отнести к жертвоприношению государственного суверенитета в момент перехода к новому, глобальному мировому порядку.

³ Хотя, по всей вероятности, подобные ритуалы коллективного освобождения от накопленных проблем существовали и до этого, понятие «козел отпущения» упоминается в Библии (Третья книга Моисея 16: 20-22), где описывается знаменитый иудейский обряд. В день отпущения грехов жребием избирается козел, на голову которого первосвященник в льняной одежде возлагает руки и исповедует все грехи детей Израиля. Таким образом все грехи символически переходят на животное, которое потом отпускают в пустыню (Азазель); члены сообщества чувствуют успокоение от отпущения своих грехов и совершенных до тех пор провинностей и это обеспечивает им новое начало.

Следует подумать о будущих последствиях и признаках, которые намекают, что в следующем круге в цикле цикла (которые на каком-то плане уже начались) могло бы стать «козлом отпущени»: после природы, становится все более ясным, что это будет человечность. Это подготавливалось неудачами достижения свободы и провозглашением, что «антропос» виновен для уничтожения окружения, хотя такая картина лишь только затуманивает то, что находится за ней и что управляет глупо технологией системы.

*** Последовательность по отношению к досовременной эпохе**

Имея в виду, что категоризация религии как социокультурного явления базируется на современной вере в прогресс и типичном евроцентричном понятии развития человеческой культуры как линейного эволюционного потока от примитивного политеизма к этическому монотеизму, логично, что на своем последнем этапе этот процесс стремится всеми своими качествами, принадлежавшими на предыдущем этапе религии, слиться в человеческую сферу. Если рассматривать через такую призму, можно сказать, что монотеистическая религия не только что участвовала в процессе строения цивилизационных культурных кодов, но и своеобразно сохранила последовательность по отношению к досовременной эпохе⁴.

Есть попытки восстановить порог между досовременной и современной эпохами на основании мифологического мышления. Так, например, Нортроп Фрай (Northrop Frye), по следам Уильяма Блейка (William Blake) и Джамбаттиста Вико (Gianbattista Vico) рассматривал мифологический вклад в западную культуру. Наряду с синтезом библейских и аристотелевских источников в институционализированном христианстве, он существенно важным считал создание современной мифологии развития, начиная с конца восемнадцатого века, которая способствовала переходу к убеждению, что цивилизация действительно является делом рук человека, из чего происходит ее несовершенство (Frye 1968).

Данная революционная идея возникла на основании потребности эпохи разума изучить свое происхождение путем восстановления «примитивного ума», с которого начинается общественная жизнь, организации, религиозные институты, мораль. На это опирается и натуралистическое толкование происхождения религии. Досократовские философы понимали религиозность как защитительный ответ на страх от смерти и связанную с ним подавленность, вызванную природой, которая воспринята как угрожающая и враждебная. Кроме указанной отрицательной стороны, натурализм имеет и положительную сторону - удовлетворение величием и величественностью природы. Фрай установил, что самой важной ролью мифа является объединение этих двух сторон. На конкретной, чувственной, фигуративной, антропоморфной и персонифицирующей основе мифов создаются информационные понятия дискурсивного мышления.

Переход с мировоззрения, в котором преобладал миф, к мировоззрению, в котором доминирует «логос», начался еще в древней Греции и предоставил возможность развития современной

⁴ Многочисленные и разнообразные религиозные формы включают одни и те же верования, в чем и заключается идентификация самого понятия. Самые древние формы религиозного отношения к мертвым восстановлены на основании палеолитических находок древностью 300 000 лет. Толкования таких древних находок вызывают, конечно, больше споров, чем более поздние (50 000 – 13 000), которые обозначают переход к современному человеку, как в смысле анатомии, так и в смысле поведения (*behavioral modernity*). Тезису о “современном поведении”, которое, между прочим, включает абстрактное мышление, планирование, символическое отношение к миру через искусство, орнаментику, музыку, игру и орудия совместим тезис о вариациях поведения (*behavioral variety*), подчеркивающий различные условия в окружающей среде. Во всяком случае, когнитивный и культурный фон всех указанных видов поведения и соответствующей технологии – документирован в экспедициях и этнографических исследованиях, указывая на универсальные человеческие модели: кумулятивную культурную адаптацию, усвоение общественных норм, языка, сотрудничества в рамках племени и т.д. (Википедия)

философии, науки и цивилизации. Однако, хотя современная цивилизация столетиями стремилась к этому, нельзя сказать, что данный переход оказался удачным, ибо логос не сменил до конца мифическое мировоззрение⁵. Однако, рационализация результативна развитием дополнительных инструментальных структур, но, не только общественно-политическая система, а и сам научный логос до сих пор остались отмечены элементами мифа. Изучения научных систем, начиная с концепции атома до современных моделей химии и биологии, помогли в осознании важности имажинации и установили и подтвердили важность и мощь использования метафоры в науке (Brown 2003). Познание глубинной природы научной истины привело к лучшему пониманию науки, как интеллектуальной и социальной практики.⁶

Позитивная сторона изначально одинаковой цели мифа и философии - это побуждение человеческой души, чтобы почувствовать в себе всю необъятность божественного. Платон и Данте, использовали Метафору Элевзинских мистерий о трансфигурационном свете, чтобы пробудить у людей читательскую мечту, присущую человеку характеристику, не нуждающуюся ни в чем из мира чувств. Упомянутая трансфигурация представляет собой осуществление *carpe Dei*, способность принимать Бога, и обозначает, что человек внутри связан с высшим божественным принципом. Библия утверждает, что первоначальный грех – сила, которая разрушает упомянутое владение и с тех пор человек ищет в себе абсолютного и универсального. Христианство также поучает нас искать Бога через внутренний свет, сознание Христа, Истину, которая выражает божественные познания.

Когда имеется в виду данный потенциал, кажется еще более непонятным, почему наука остается отделенной от того и вместо того, чтобы развивать методы для личного и общественного использования той истинной привилегии человека, она включается в эксперименты биоинженеринга и выпускает неврологические методы для «предупреждения фундаментализма», готовясь уничтожить соответствующие регионы в мозге, даже не проникая в их эвентуальную связанность с человеческой «способностью принимать Бога». Может быть, такое поведение ученых (и заказчиков упомянутых проектов) представляет собой выражение той модели жертвоприношения, которая осуществляется в рамках создания плана, по которому человечество станет «козлом отпущения». Но, таким образом будет прекращена всякая выявленная поседовательность: как та, которая человека связывает с трансцендентией, так и та, которая присутствует в имманенции, даже та, которая протягивается до сегодняшнего дня посредством модели жертвоприношения.

***Жирар и Альпорт**

Рене Жирар (Rene Girard) сделал своеобразное антропологическое открытие постулированием гипотетического морфогенетического механизма «суррогата жертвы», который выполняется в виде ритуального повторения модели жертвоприношения, порождающей культурный и общественный порядки. Его вдохновением была художественная литература, в которой он обнаружил структурные сходства несмотря на разнообразность жанров, культур и исторических эпох и на основании которых, он выявил « миметическую природу желаний » (Girard 1977). Связь между желанием и жертвоприношением основывается на том, что люди желают именно то, что видят у других, что приводит к возникновению ревности и столкновениям.

Указанный антропологический факт, подтверждаемый в эволюционной истории человечества,

⁵ <http://mythoslogos.org/tag/metaphor>

⁶ Физик Симвен Хокинг сравнивает имажинационное создание научных моделей с рисованием географических карт. Не существует ни одной вполне точной географической карты Земли, ибо ровными поверхностями нельзя вполне точно изобразить сферу; поэтому в различных целях используются различные географические карты с различными шкалами и проекциями.

лежит в основе человеческой психики и заставляет людей имитировать других, их желания и приемы. Однако, имитирование желаний, заставляет их соревноваться между собой и в этом соревновании они стараются подчеркнуть себя, свою отличительность и своеобразие, но, на самом деле, сама насильственность делает противников все более похожими друг на друга. Столкновения вызывают кризис в обществе, которому грозит вспышка неконтролируемого насилия. Чтобы предупредить его и чтобы предотвратить драку членов общества между собой, нужно включить механизм козла отпущения, который ритуально смиряет насилие общества, сосредоточивая его на суррогат жертву. Основная идея ритуала заключается в том, что совместное участие в преследовании виновника объединяет сталкивающиеся стороны и общество освобождается от напряженности.

Парадокс модели «козла отпущения» заключается в том, что с одной стороны он представляет принцип жертвоприношения как средство для освобождения общества от опасности насилия и, с другой стороны, показывает общественную эффективность насилия, т.е. управления им. Гипотез Жирара, что в основе всех архаичных религий лежит данный принцип, который все человеческие культуры создает на основании коллективного жертвоприношения - является, может быть, слишком обобщенным и может быть, что слишком широкие выводы Жирара базируются на логической ошибке преждевременной генерализации. Однако, есть что-то в самом факте, что многочисленные культуры, используемые упомянутую модель, считают, что жертвоприношение обладает жизненно важной силой, необходимой для обновления сообщества. Поэтому эти культуры учат своих членов не сомневаться в виновность изгнанного члена или группы и продолжают, через свои мифы и ритуалы, поддерживать у них такое убеждение.

До некоторой степени с вышесказанным совместима теория Гордона Альпорта (Gordon Allport) о природе предрассудков, которая тоже рассматривает механизм «козла отпущения». В духе верований в цивилизационный прогресс рациональности, которая в середине двадцатого века была неприкосновенной, Альпорт древнюю символику «козла отпущения» толковал как следствие смещения ментального и физического плана. Он не мог согласиться даже с перенесенным значением идеи о перенесении на других таких чувств как забота, несчастье или вина⁷. Психология этот метальный процесс назвала проекцией, которая обозначает состояние, когда люди в других видят то, что по определенным причинам не замечают у себя. Поэтому они не осознают собственную ответственность и одновременно, критикуя других, подтверждают, что истинное человеческое состояние - «поиск сучка в глазу своего ближнего».

Сложность психологические процессы, включенных в обвинение других повлияла на Альпорта, и он свое внимание сосредоточил на социокультурные факторы, которые решают, кто станет козлом отпущения. Психология тоже не дает полную картину причин, по которым именно определенная группа воспринимается как подходящая для того, чтобы стать «дежурным виновником»; даже сам Альпорт не сумел определить принцип, на котором основывается данный процесс и к которому позже приблизился Жирар.

После проведения анализа стереотипов о группах меньшинств Альпорт заключил, что члены данных групп, хотя были обиженными, еще решительнее стали развивать чувства отличительности своей группы и чувство принадлежности к ней. На вопрос: почему «статистические меньшинства» становятся «психологическими меньшинствами» Альпорт в ответ приводит категоризацию, согласно которой к «статистическим меньшинствам» относятся те, которые по определенным причинам отмечены как таковые, но которые никогда не были предметом предрассудков (например, дети школьного возраста, зарегистрированные медсестры, презвитерианцы), в то время как к числу

⁷ Сходная идея в сербском народе выражается поговоркой: «Перевали заботу с одного плеча на другое», », хотя ее использование в ироническом контексте полностью изменило ее смысл.

психологических меньшинств к категории козла отпущения Альпорт относит например, иммигрантов, небелых людей, приверженцев каких-то конфессий, региональные группы, определенные профессии). Данное понятие Альпорт связал с особой теорией о предрассудках, которую он назвал «теорией фрустраций», которая утверждает, что некоторые, в основном невинные, люди *вне* группы привлекают агрессивность, вызванную фрустрациями членов *группы*.

Теория Альпорта не претендовала объяснить природу предрассудков; ее предметом является рассмотрение причин, по которым определенные группы становятся мишенями неоправданной агрессии. Полученные им результаты показали, что разные группы отвергаются по разным причинам. Совместимый социальный аспект мотивов, которыми Жирар занимался на психологическом плане, проявляется в указании на тенденцию относительной стабильности «жертвенных» групп, т.е. тенденцию передачи общественных ценностей и культурных свойств. С другой стороны, Альпорт приводит многочисленные примеры противоположных случаев, когда жертву избирают *ad hoc*, и эти случаи совпадают с примером, который привел Жирар, в котором имитирование желания профессора студентами и эскалация их соперничества решается *ad hoc* превращением новоприбывшей коллеги в виновника.

Вопреки сознанию о стабильности групп, которые являются подходящими к статусу козла отпущения (такие как религиозные, этнические или расовые группы), Альпорт рассматривал возможность изменения такого статуса в ходе времени, подчеркивая, что лучшим способом для этого является исследование истории каждого конкретного случая в отдельности. Анализируя историю стигматизации евреев, Альпорт показал как понимание враждебности к определенному народу, т.е. понимание причин, по которым определенный народ становится козлом отпущения, можно достичь лишь путем психологически оживленного исследования и восстановления особенностей конкретной истории. Он подчеркнул, что для решения такой сложной проблемы необходимо освободиться от сомнений, касающихся фактического учета.

Если бы данный совет исследователями истории Балкан принимался во внимание, они могли бы многое сказать, в частности о сербской истории, которая могла бы представить сербов как своеобразный экземпляр функционирующей модели козла отпущения.

Подрыв модели жертвоприношения

Подрыв модели жертвоприношения тоже представлен в ветхозаветных сюжетах (такие как сюжеты о Каине и Авеле, Иосифе, Иове), в которых данная модель «козла отпущения» переворачивается так, что признает невинность жертвы. Поэтому Жирар утверждал, что жертвоприношение до Христа является в основном «плохим жертвоприношением», ибо мотивировано страхом от насилия, которое могло бы показаться угрозой для сообщества, и поэтому направлено на то, чтобы объединить противников и раскатыть сообщество перенесением вины на козла отпущения.

Подрыв данной типично человеческой плохой формы жертвоприношения кульминирует распятием Христовым, которое Жирар называет «не-жертвенное раскаяние». Будучи Сыном Божиим, Христос представляет собой превосходную невинную жертву. Его жертвоприношение осветило вину сообщества, которую укрывают мифы и ритуалы козла отпущения. Жертвоприношение Бога показывает всю бессмысленность плохих жертвоприношений. После того как вместе с Христом жертвовал собой сам Бог, с одной (внешней) стороны стала очевидной вина сообщества, которая даже из Бога делает «козла отпущения». С другой (внутренней) стороны, Бог добровольно предложил себя в качестве жертвы наших типично человеческих форм жертвоприношений и таким образом превзошел типичное человеческое жертвоприношение, раскрывая наше существование к полноте сотворения, как будто смерти нет (Alison 2013).

Ветхозаветный сюжет о Соломоновом решении (3-я гл. 1-ая книга Царств), говорящий о суде двум женищинам-блудницам, которые спорили о том, чей этот ребенок, которого они принесли с собой, иллюстрирует различие между двумя видами жертвоприношения, о котором и говорит Жирар. На основании ответа, полученного на вопрос расщепить ли живое дитя надвое, мудрый Соломон определил чей ребенок. Это ни в коем случае не может быть женщина, которая готова жертвовать ребенком, чтобы победить; матерью оказалась та, которая за жизнь ребенка была готова жертвовать собой (несмотря на то, является ли она, на самом деле, биологической матерью). Это материнское жертвоприношение именно и есть в духе Евангелия, в котором жертвует собой Бог, предлагая себя за жизнь мира.

История повторяется и на уровне сегодняшнего общества. До тех пор пока в современном обществе полностью отсутствует воля, чтобы история насилия прекратилась, будет налицо коллективная идентификация с теми, кто имеет мощь (и на основании этого воспользуются насилием, агрессией, доминацией). Таким образом могучие обеспечивают себе избавление от греха, представляясь перед обществом как доброжелательная сила, и как можно больше обновляя модель «козла отпущения». В настоящее время такой «нарратив» позволяет релятивизировать невинность и вину и считать обвиняемых и отверженных неважными.

Отождествление с агрессором наверно не было бы до той степени распространено, если бы не было средств массовой информации, которые людям навязывают идею, что насилие нормально, и таким образом обеспечивают его усвоение обществом. Этому способствует миметическая природа желаний, которая проявляет тенденцию распространяться в обществе, дабы все менее-более стали похожими друг на друга, имитируя то, что, как полагают, является желанием других. Культурная индустрия использует нарратив, который еще более ограничивает мировоззрение людей и сводит его к сходному пониманию мира, к сходному стилю искусственных литературных форм, имиджа, картин, в то время как несходные истории возможны лишь в случаях, когда до реципиента донесутся в форме, которая от него требует заняться на миметическом плане. Как будто забывается, что смысл культуры – это переоценивание существующего и пробуждение желания к творчеству и освобождению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Alison, James (2013) *Jesus the Forgiving Victim: Listening for the Unheard Voice*; http://www.amazon.com/Jesus-Forgiving-Victim-Introduction-Christianity-ebook/dp/B00GMQXRM/Ref=asap_bc?ie=UTF8#reader_B00GMQXRM; <http://forgivingvictim.com>

Дата обращения к документу 11.05.2015.

Allport, Gordon (1954/1979) "Choice of scapegoat" in *The Nature of Prejudice*, New York: Basic Books.

Armstrong, Karen (2014) *Fields of Blood: Religion and the History of Violence*, New York: Random House.

Bellis, Gian Piero de (2003 – 2014) "Churchism/Statism", *Polyarchy : essays on statism* <http://www.polyarchy.org/essays/english/churchism.html#top> (дата обращения: 05.05.2015.)

Библия /Священное писание, Ветхий завет, (перев. Дж. Даничи), Белград: Божанское и иностранное библейское общество.

Brown, Theodore L. (2003) *Making Truth: Metaphor in Science*, Urbana: University of Illinois Press.

Burkert, Walter (1992) *Homo Necans: the Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth*, Oakland: University of California Press.

Cavanaugh, William T. (2009) *The Myth of Religious Violence. Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict*, Oxford: Oxford University Press.

Fleming, Chris (2004). *René Girard: Violence and Mimesis*. Cambridge: Polity Press.

Frye, Northrop (1968) *Study of English Romanticism* New York: Random House.

Girard, Rene (1977) *Violence and the Sacred*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Girard, Rene (1986) *The Scapegoat*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Mythos /logos, A blog about religion, Scence and Philosophy, (<http://mythoslogos.org/tag/metaphor> дата обращения: 21.03. 2015.

Платон (1976), *Государство*, Белград: БИГЗ

What is Next Nature? <http://www.nextnature.net> дата обращения: 11.13. 2014